

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ 25 К. И НА СТ. 30 К. РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР. 30 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 46

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916

10 НОЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

30
КОНТРАКТИВНО
Я ГИАНЦІАЛЬ

ИЗЪ РЪЧИ БЕТМАНА-ГОЛЬВЕГА ВЪ РЕЙХСТАГЪ.

... Германія послѣ войны можетъ спокойно жить, сложа руки и выѣзжая на плечахъ своихъ бывшихъ враговъ!

МИНИАТЮРА.

(Эмаль.)

Чья-то маленькая ручка отодвинула гардины;
Солнце ярко освѣщало разноцвѣтныя куртины,
Молодую зелень липы и вѣтвистый вязъ недужный,
Перламутромъ отражаясь въ бѣломъ облакѣ жемчужномъ.
Воздухъ утренній смѣялся голосистой птичьей трелью,

Что соперничала дерзко съ переливною свирѣлью...
Только лишь недоставало звуковъ старой пасторали
Для моей миниатюры, для картинки на эмали...

Игорь Селенкинъ.

ВЪ ГЕРМАНИИ.

Членъ продовольственнаго комитета: — Скажите, докторъ, тифозныя бациллы питательны?

Докторъ: — Да, въ организмѣ бациллъ много бѣлковыхъ веществъ.

Членъ продовольственнаго комитета: — Такъ будемъ пить сырую воду: она насыщена тифозными бациллами.

Докторъ: — Лица, плохо питающіяся, заболѣютъ тифомъ...

Членъ продовольственнаго комитета: — Но вѣдь они укрѣпляютъ свои организмы питательными, вкусными бациллами и станутъ невосприимчивы къ тифу.

Докторъ (задумчиво): — Да, да... Это гениальная мысль.

Черезъ три дня вся Германія покрылась плакатами:
— Пейте сырую воду!!!

В. Черный.

ВЪ АНТРАКТЪ.

Онъ былъ въ первый разъ у меня въ уборной,
Принесъ туберозы и пьяныя вишни.
Суфлеръ сказалъ зло: «Я здѣсь, кажется, лишній»,
И пошелъ сплетничать — небритый, черный,
Мы знали безъ суфлера хорошо наши роли:
Онъ былъ такъ нѣженъ. Я такъ покорна,
А пьяныя вишни — сладки, сладки до боли.
И пахло туберозами въ маленькой уборной.

Лидія Л.

УСТАЛОСТЬ.

Я усталъ отъ людской болтливости,
Отъ красивыхъ, ненужныхъ словъ.
Я жажду теперь молчаливости
Смиранныхъ, глупыхъ ословъ.
Разлюбилъ стихи и былины я,
Разлюбилъ я пѣсни «о ней»,
И смѣшныя уши ослиныя
Для меня Сократа умнѣй.
Объявляю безъ сокрушенія:
«Человѣкъ продается на сломъ
По случаю его рѣшенія
Сдѣлаться смиреннымъ осломъ».
Не стыжусь передъ всей Европою
(Что Европа — рабовъ раба!)
Вотъ, смотрите — ушами хлопаю,
Вотъ, смотрите — отвисла губа.
Жизнь играетъ людьми, какъ пѣшками,
Но я, ставши осломъ, пойму,
Что легче жить подъ насмѣшками,
Чѣмъ насмѣшничать самому...

Владимиръ Василенко.

ПРОКЛЯТАЯ ЭПИДЕМІЯ.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

Мнѣ кажется, что этого никто не замѣчаетъ. А я вотъ замѣтилъ.

«Это» началось недавно, и съ каждымъ днемъ все растетъ, углубляется и расширяется.

Въ воздухѣ носится микробъ, который заражаетъ всѣхъ людей. Я даже на себѣ обнаружилъ этотъ микробъ. Рассмотрѣлъ подъ микроскопомъ: такъ себѣ микробишко —

пустяки, дрянъ. Родъ неправильной спирали съ колючками во всѣ стороны и крючками на обоихъ концахъ. Вообще — препротивная бестія.

Единичные случаи «этой» болѣзни не обращали на себя моего вниманія. Но нынче я этимъ заинтересовался, потому что болѣзнь приняла грозныя эпидемическія формы...

Вотъ вамъ одинъ петроградскій день изъ серіи такихъ же унылыхъ сумрачныхъ, гнилыхъ петроградскихъ дней...

* * *

Утро.

— Маша! — говоритъ за чаемъ жена, обращаясь къ горничной. — Маша! Опять хлѣбъ черствый и невыпеченный?

— Да я-то тутъ при чемъ, — презрительно отвѣчаетъ Маша. — Что я его сама пакла, что ли?

— Я знаю, что не вы сами; но все же нужно принять какія-нибудь мѣры, сказать булочнику, что ли...

— Пошли бы сами, и сказали! Очень онъ меня послушаетъ, какъ же!..

— Что это за тонъ? — охаетъ жена. — Какъ ты смѣешь со мной такъ разговаривать?

— Какъ разговариваю, такъ и разговариваю. Я къ вамъ не для разговоровъ нанялась. Нанялась я дѣло дѣлать, а разговоры можете съ гостями разговаривать.

— Пошла вонъ!

— Пожалуйста, хмъ! Испугали. Видѣла я энтакіихъ хозяевъ паршивыхъ.

Жена бросается ко мнѣ.

— И ты это терпишь? Ты позволяешь такъ оскорблять меня?

— Ну, матушка... теперь вся прислуга такая...

— Ахъ, такая?! Значитъ, поэтому ты восторженными глазами долженъ смотрѣть, какъ всякая дрянъ мнѣ на голову, садится?! Вотъ тебѣ: вышла замужъ! Угораздило.

— Ф-фу!

Нѣтъ, скорѣе вонъ изъ дому; скорѣе на чистый воздухъ.

* * *

„Германскія военныя суда подъ видомъ мирныхъ коммерческихъ топятъ у береговъ Америки минами всѣ встрѣчныя суда“.

Рис. В. Лебедева.

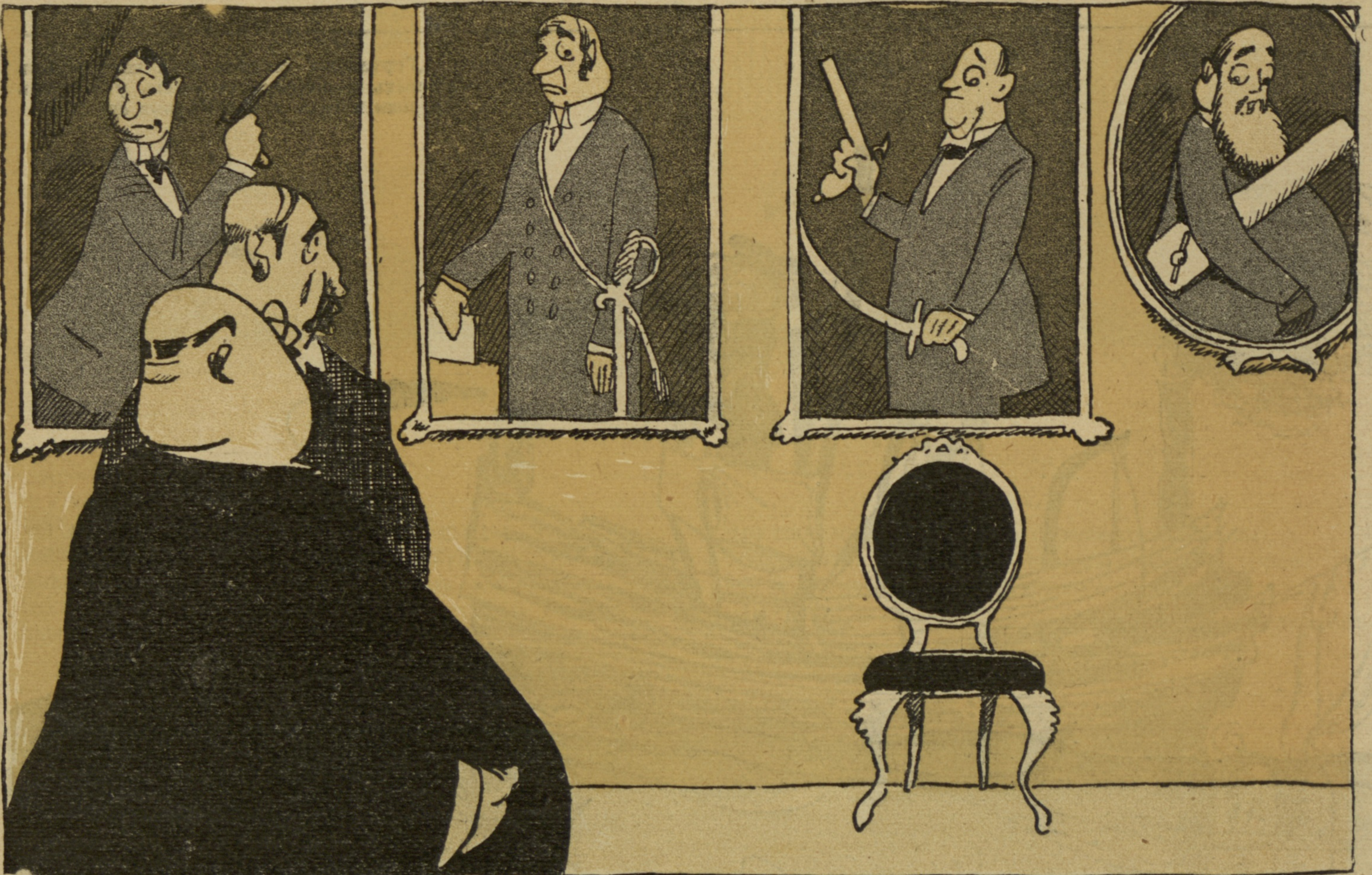
Д В У Х Ъ - Э Т А Ж Н Ы Я М И Н Ы

Мины надводныя (ласковыя; на водѣ) и мины подводныя (не ласковыя; подъ водой).

СИЛА ПРИВЫЧКИ.

Каторжникъ-убійца (мародеру): — Ты что же это, мерзавецъ, а? Скупилъ всѣ подкандальники да припрятать? А теперь дерешь втрое? Ты здѣсь эти свои вольныя штучки брось!..

МИЛИТАРИЗАЦІЯ ПРЕДКОВЪ.

— Что это у вашихъ предковъ такіе испуганные глаза?
— А это, видите ли, имъ только вчера новое оружіе пририсовали. Еще не успѣли привыкнуть.

На чистомъ воздухѣ.
Не успѣваю я поставить ноги на подножку пролетки, какъ извозчикъ вздрагиваетъ, подобно ужаленному гремучей змѣей.

— Куда вы? Куда вы садитесь?

— Ослѣпъ ты, что ли? Къ тебѣ въ пролетку сажусь. Вези!

— Вези!? Для того, чтобы везти, рядиться надо!

— Кому — тебѣ или мнѣ?

— Понятно вамъ. Вы ѣдете, вамъ и рядиться.

— Подумаешь, торжество какое, — саркастически возражаю я. — Хмъ! Рядиться... Не прикажешь ли мнѣ нарядиться въ шелкъ и бархатъ, чтобы ты меня повезъ. Какой костюмъ одѣтъ, въ томъ и поѣду.

Онъ ѣдетъ. Но внутри его, очевидно, бурлить и клоко-
четъ, какъ въ кратеръ Везувія.

— Жулики, — шепчетъ онъ горько.

Я обезпокоенъ.

— Кто жуликъ? Гдѣ жулики?

— Тѣ жулики, которы извозчика хотятъ обидѣть.

Я его не понимаю: о какихъ тамъ жуликахъ онъ
толкуетъ.

— Господа тоже, — бормочетъ извозчикъ. — Я, гово-
рить, кустюмъ надѣлъ, такъ ты меня везти долженъ. Да я
плевать хотѣлъ на твой кустюмъ. У меня, можетъ, свой по-
чище.

— Ты это обо мнѣ? — удивленно спрашиваю я.

— А то объ комъ же? Объ лошади чтолика.

— Да какъ ты смѣешь, негодяй! Держи къ околоточ-
ному; вонъ тамъ стоитъ околоточный... Онъ покажетъ
тебѣ, какъ сѣдоковъ ругать.

* * *

Власть предержажая.

— Господинъ околоточный! Запишите номеръ и оштра-
фуйте этого извозчика. Онъ меня ругалъ.

— Ты чего жъ это, подлець, анаема, а? Шкуру съ те-
бя спушу. У васъ свидѣтели есть, господинъ?

— Никакихъ. Мы ѣхали вдвоемъ.

— Такъ какъ же безъ свидѣтелей; безъ свидѣтелей
нельзя.

— Однако, согласитесь, господинъ околоточный: не мо-
гу же я возить съ собой особаго свидѣтеля специально для
такихъ случаевъ...

— Ваши насмѣшки совершенно неумѣстны, — вдругъ
обижается околоточный.

— Я не смѣюсь. Но выходитъ такъ, что если нѣтъ сви-
дѣтеля, такъ извозчикъ долженъ ругать меня.

— Я не говорю, что онъ долженъ и, вообще, прошу не
извращать моихъ словъ! Я нахожусь при исполненіи служеб-
ныхъ обязанностей, а вы...

— Будьте добры записать номеръ извозчика.

— Прошу мнѣ не указывать! Я самъ знаю, что нужно
дѣлать... И вообще

— Извозчикъ! Пошелъ скорѣй!!

Спасайся, кто можетъ.

* * *

Торжествующій извозчикъ помчался.

— А что, сѣлъ, баринъ?

Въ это время иронія и язвительность его сами собой пе-
рекинулись совсѣмъ въ другую сторону — по адресу встрѣч-
наго извозчика:

— А, чтобъ тебѣ лопнуть, сволочу такому! Анаема
желтоглазая! Куда ты колесомъ, стервятника?!..

— А ты чего, гужбедъ, разскакался. Вотъ я те кнотомъ
по переносью шваркну...

И столько было жгучей ненависти и бѣшенства въ гла-
захъ и лицахъ извозчиковъ — моего и чужого — что я со-
дрогнулся:

— Звѣри...

Нѣтъ, на извозчикахъ нельзя ѣздить... То ли дѣло ми-
лый демократическій трамвай.

* * *

Среди демократовъ.

— Слушайте, вы! Если еще разъ сядете ко мнѣ на ко-
лѣни — поймаете по шеѣ.

— Свою поберегите.

— Да не дергайся ты, ч-чортъ!

— Я дергаюсь? Это горе мое дергается. Я не вино-
вать, что трамвай скачетъ, какъ лягушка.

— Кто лягушка?! Какъ вы смѣете? Кондукторъ,
стой! Я его сейчасъ изувѣчу.

— Не смѣй останавливать трамвай!

— Ш-што-съ?

Сердце мое превратилось въ холодный тяжелый кусокъ
окровавленнаго льда. Гдѣ я? Развѣ это люди? Это васи-
лиски, драконы какіе-то.

— Скорѣй отсюда!

Мнѣ захотѣлось простого вѣжливаго, деликатнаго сло-
ва. Захотѣлось просто, по-человѣчески, того, что называ-
ется, галантерейнымъ обращеніемъ.

Я соскочилъ съ трамвая и вбѣжалъ въ галантерейный
магазинъ.

* * *

Галантерейное обращеніе.

— Позвольте мнѣ, пожалуйста...

— Обождите! Видите, съ другими занимаюсь. Не
разорваться же!..

— Я только хотѣлъ... галстукъ...

— Галстукъ тамъ или малстукъ — намъ это безразлич-
но... А только назойливо лѣзть впередъ не полагается
Станьте въ сторонкѣ!.. Тебѣ что? Сними шапку прежде
всего. Тутъ не кабакъ!

— Не наваливайте на прилавокъ, сударыня! Спать мо-
жете дома!

Не могу больше... Весь воздухъ, весь этотъ прокля-
тый петроградскій студень насыщенъ микробами хамства,
грубости, рычанья и ненависти...

Поскорѣе туда, гдѣ еще осталось прежнее джентльмен-
ство, прежняя красота и деликатность; поскорѣе въ царство
прекрасныхъ словъ, благородныхъ поступковъ и нарядной
поэтической жизни, поскорѣе — въ театр!

* * *

Царство прекрасныхъ словъ.

Сцена была залита потокомъ полубоатаго луннаго
свѣта.

У красиваго венеціанскаго окна сидѣла влюбленная па-
рочка: пѣвецъ, изображавшій влюбленнаго юношу и пѣви-
ца, пѣвшая партію его возлюбленной. Онъ сталъ на одно
колѣно, склонился къ ея рукѣ и запѣлъ:

— Люблю тебя я больше жизни,
Люблю, какъ розу мотылекъ...

Она положила ему голову на плечо и отвѣтила:

— А я тебя люблю до смерти
И въ томъ даю тебѣ зарокъ.

Онъ прижалъ ея голову къ своей груди и томно провор-
ковалъ:

— Подобна ты звѣздѣ вечерн...

Вслѣдъ затѣмъ онъ отбросилъ лежавшую на его груди
голову возлюбленной, вскочилъ на ноги и сказалъ уже безо
всякаго пѣнія и не стихами, а прозой:

— Нѣтъ! Пѣть съ этой драной кошкой — чистое му-
ченье!

Пѣвица вспыхнула, вскочила на ноги и крикнула, безо
всякаго сопровожденія оркестра:

— Это я-то драная кошка? А кто вчера на утрен-
никѣ пѣтуха два раза пустилъ?

— Врешь ты, тварь! — рявкнулъ пѣвецъ. — Вотъ, спро-
симъ у дирижера: далъ я пѣтуха или нѣтъ?

Дирижеръ на обращенный къ нему вопросъ съ достоин-
ствомъ отвѣчалъ:

— Не пѣвцы вы, а сапожники. Кто же при публикѣ
занимается личными дрязгами?... Хотя, положимъ, и публи-
ка теперь такая, что ни уха, ни рыла не смыслить...

— Къ чорту дирижера, — заревѣла публика. — Прова-
ливай, дирижеръ! Тебя съ вашимъ директоромъ давно вы-
мести отсюда надо.

— Порядочки, — поехала оскорбленная пѣвица, ухо-
дя за кулисы. — Это не театръ, а кабакъ какой-то...

Съ галерки веселый голосъ гвоздемъ впился въ общій
шумъ:

— Директоръ, камаринскаго!

* * *

Не успѣлъ я дописать этого фельетона, какъ изъ типо-
графіи явился мальчикъ.

— Тебѣ чего?

— За рукописью пришелъ.

— Не могъ черезъ полчаса явиться? Носятъ тебя тутъ
черти!

— Вы же сами сказали...

— Сказалъ, сказалъ... А ты и обрадовался. То ты
на два часа запаздываешь, а то лѣзете не во-время, когда еще
фельетонъ не готовъ! И вѣдь, дѣйствительно: на другихъ
мальчиковъ дифтеритъ нападаетъ и оспа, а этотъ негодяй...
хоть бы разъ подъ трамвай попалъ. У-у, гадина!

Возвращаюсь къ письменному столу.

* * *

Нѣтъ... Не пишется! Разстроилъ меня проклятый
мальчишка. И чернила въ чернильницѣ какія-то липкія, съ
грязью, и перо цѣпляется за бумагу. Чтобъ имъ издохнуть
этимъ чернильнымъ фабрикантамъ. Чтобъ они спорѣли се-
годня же, эти дурацкія фабрики перьевъ!

Чтобъ вы всѣ, вообще, провалились!

Аркадій Аверченко.

„Французы отняли обратно у нѣмцевъ фортъ Во“

САМЫЙ КРАТКИЙ ДИАЛОГЪ.

Вильгельмъ: — Во?
Кронпринцъ: — Во-во!

ЛЮБЛЮ ВРАГОВЪ.

Какъ не люблю я любящихъ меня
И какъ люблю враговъ моихъ заклятыхъ!
Ихъ голось ночь бросаетъ въ окна дня
И день въ ночи рождаетъ острый взглядъ ихъ.

Я межъ друзей, лѣнивый, какъ медвѣдь,
Могу дремать въ безрадостной берлогѣ.
Но лишь враговъ услышанная мѣдь
Даритъ мнѣ радость воли и тревоги.

Люблю враговъ за чашу бытія!
Изъ этой чаши пью свое вино я:
Вино побѣды, и гордой мысли «я»,
И женскихъ устъ, вѣнчающихъ героя.

Ал. Вознесенскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Энрико Тоти.

Римскій корреспондентъ М. Первухинъ съ присущимъ ему талантомъ и яркостью рассказываетъ объ одномъ скромномъ итальянскомъ чиновникѣ Энрико Тоти, добровольцѣ-участникѣ двухъ войнъ, при чемъ въ настоящей войнѣ онъ лишился лѣвой ноги. Несмотря на это, Тоти все-таки вернулся въ строй...

Тоти доказывалъ, что онъ, какъ великолѣпный велосипедистъ, можетъ нести службу и обладая одною ногою. И за него просили однополчане, просили офицеры. Тоти добился своего и опять пошелъ въ бой. Знавшіе его въ этотъ періодъ удостовѣряютъ, что одноногий солдатъ ни въ чемъ не уступалъ своимъ двуногимъ товарищамъ, не отступалъ ни передъ какими трудностями, не пасовалъ ни передъ какою опасностью. Какъ онъ справлялся съ дѣломъ, — ковыляя на костыль или разѣзжая при помощи единой ноги на велосипедѣ, — это понять трудно. Важно одно: и въ этотъ періодъ военное начальство отмѣчало „одноногого Тоти“, какъ одного изъ лучшихъ солдатъ.

Если всѣ гимназисты заучиваютъ наизусть повѣсть о подвигѣ Муція Сцевола и Горация Коклеса то, по справедливости, слѣдующее нисколько не ниже подвиговъ этихъ героев древности:

Нѣсколько недѣль тому назадъ полку Энрико Тоти пришлось участвовать въ рядѣ кровавыхъ рукопашныхъ стычекъ съ австрійцами. Тоти ни на шагъ не отставалъ отъ товарищей и дрался, какъ бѣшеный. Въ одной схваткѣ изъ-за обладанія какою-то траншеею Тоти былъ раненъ. Чувствуя, что умираетъ, онъ въ ярости бросилъ свой костыль въ австрійцевъ, сидѣвшихъ въ траншеѣ, и съ воплемъ „эвива, Италия!“

Рис. Ре-ми.

запрыгалъ на одной ногѣ на австрійцевъ. Нѣсколько выстрѣловъ въ упоръ свалили окончательно этого итальянскаго берсеркера бездыханнымъ. Но его примѣръ принесъ свою долю пользы: замаявшие было товарищи „одноногого“ оправились и навалили груды вражескихъ труповъ на трупъ погибшаго Тоти.

Италія — страна, въ которой выше всего цѣнятся красивый, героическій жестъ. Бѣдняга Тоти, котораго при жизни такъ мало знали, — сталъ национальнымъ героемъ. Его изображаютъ на всяческіе лады, его уже воспѣваетъ народная „канцона“. Въ его честь Римъ уже назвалъ одну изъ своихъ улицъ, а на домѣ, гдѣ онъ жилъ послѣднее время до войны, уже имѣется мраморная плита съ надписью: — Здѣсь обиталъ герой Энрико Тоти.

Бѣдняга сдѣлалъ, что могъ...
А могъ онъ, очевидно, много.

„Свободная Бельгія“.

Въ Италиі героямъ ставятъ памятники и украшаютъ ихъ дома мраморными досками.

Бельгіяцамъ это трудно сдѣлать, потому что не хватило бы площадей для памятниковъ.

Корреспондентъ „К. Мысли“ рассказываетъ о подпольной газетѣ „Свободная Бельгія“, которую никакъ не могутъ изловить нѣмецкія власти.

„Свободная Бельгія“ пользуется огромной, все растущей популярностью. Основанная въ февралѣ 1915 года, она по сіе время благополучно существуетъ и расходится во многихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Отличается эта газета поразительной неуловимостью, о которой рассказываютъ чудеса. Какими-то таинственными путями она попадаетъ даже на столъ фонъ-Биссинга и всѣхъ занимающихъ видные посты нѣмцевъ. Германскія власти вотъ уже полтора года ведутъ съ ней ожесточенную борьбу. Въ послѣднее время онѣ даже назначили премию въ 70.000 марокъ тому, кто укажетъ ея редакцію или типографію. Награда была соблазнительная. Нашлось нѣсколько „презрѣнныхъ Терситовъ“, не погнушавшихся ролью донощиковъ. По ихъ указаніямъ былъ произведенъ рядъ обысковъ и арестовъ. Арестованы были, между прочимъ, сенаторъ Галле, журналистъ Дюбаръ, одинъ священникъ и одна дѣвушка. Всѣхъ ихъ судили и приговорили къ долготѣнному тюремному заключенію по обвиненію въ составленіи, печатаніи и распространеніи преступной литературы. Но, несмотря на это, номера „Свободной Бельгіи“ продолжали выходить съ прежней правильностью. Мало этого, чуть ли не въ день произнесенія приговора, газета выпустила особый юбилейный номеръ, въ которомъ было до пятидесяти страницъ текста и иллюстрацій.

И что всего болѣе удивительно: въ газетѣ этой имѣются и объявленія...

Нѣмецкая полиція производитъ ночью тщательные обыски монастырей и частныхъ домовъ, въ надеждѣ найти типографію проклятой газеты. Но все тщетно. И первая рассказываетъ публикѣ обо всѣхъ подробностяхъ ночныхъ визитовъ — та же „Свободная Бельгія“...

Согнуть Бельгію было легко. Въ кольцо она свилась. Но сломить ее невозможно.

Ничтожество.

Русская пословица гласитъ:
„Шиломъ моря не нагрѣешь“.
А вотъ и иллюстрація къ ней:

По свѣдѣніямъ австрійской газеты „Zeit“ въ Германіи предписывается строгое соблюденіе системы карточекъ для бѣлья и платья. Отнынѣ невозможно пріобрѣтеніе бѣлья и платья безъ карточекъ. Изношенные вещи должны быть возвращаемы.

Изъ Берлина сообщаютъ:
„По распоряженію управленія учебныхъ заведеній, всѣмъ ученикамъ и ученицамъ предписывается на пути изъ дому и домой собирать резиновые отбросы“.

Получается очень несложный заколдованный кругъ: резиновые отбросы нужно собирать въ виду отсутствія резины... Но разъ нѣтъ резины — откуда же возьмется отбросамъ резины?

Земля наша велика и обильна...

Золотыя это слова:

Астраханскій депутатъ С. И. Франгуловъ рассказываетъ о дороговизнѣ въ Астрахани:

— Уловъ рыбы небывалый, а цѣны на нее такія стоятъ, какія астраханцамъ и не снились. Сельдь копченая 60 к. штука, плетушка съ одной дюжиной тарани — 5 р., тогда какъ обычная цѣна стояла 60—70 к. Къ свѣжей рыбѣ приступу нѣтъ, готовы сгноить половину, а по сходной цѣнѣ не продадутъ.

— Да какой же расчетъ гноить? — недоумѣваетъ депутатъ Хаустовъ.

— А очень простой: одну половину сгноить, а другую продать в тридорога, за отсутствием продукта на рынках.

— А как фрукты?

— Обилие, но тоже дороговизна страшная. Вначале, когда виноград был по 12—15 к. за фунт, несколько богатых торговцев купили весь и подняли цены до 60 к.

— В Крыму, — сообщает таврический депутат, — фруктами свиней кормили для того, чтобы создать искусственный недостаток их и поднять цены.

В Крыму фруктами свиней кормят.

В Петроград свиньи сами фруктами кормятся.

Возьметь этакая свинья и назначить за груши цену 8 рублей десятком.

Свинья жиреет, покупатель худеет, и всем весело...

Подвиг фон-Гейниша.

Благоразумие и осторожность не всегда считаются достоинством:

„Frankf. Zeit“ сообщает, что командующий четырнадцатым корпусом фон-Гейниш подал в отставку. Причина отставки та, что во время ураганного огня он спрятался в подвал. Фон-Гейниш будет предан военному суду.

Очевидно, бедный Гейниш был того мнения, что все скоропортящиеся продукты должны храниться в подвале...

Крик в ночи.

Издалека, очень издалека доносится полузадушенный страдальческий крик:

Максимилан Гарден в последнем номере „Zukunft“ дает понять, что не только германский народ, но и дальновидные политики желают мира. Гарден заявляет: „Рим победил Кароаген, но в конце концов сдвинулся добычей восточных варваров. Было бы благоразумнее примириться с Кароагеном. Милитаризм погубил Рим, и этот же милитаризм препятствует заключению Германией выгодного мира.“

Бедняга: он все еще мечтает о „выгодном мире“...

Да ведь Вильгельм теперь за самый скудный униженный миришко готов ухватиться руками, ногами и зубами...

Балаган на Невском.

Нам придется еженедельно давать краткие бюллетени о всех благоглупостях, упущениях, неразберихах и беззастенчивости столичной думы за истекшую неделю.

Вот. За одну неделю:

1) Получаются дрова для города. Первым делом их разбирают сами думцы — богатые домовладельцы и капиталисты.

2) Получается масло для города; по 1 р. 20 к. за фунт. Первым делом расхватили дешевое масло думцы. Один так расказался, что захватил одиннадцать бочек. Газеты, правда, сообщают, это, как слух, но слух сей неопровергнуть.

3) Дав. Изр. Мордух, у которого город заарендовал за плату в 75.000 руб. в десятилетие огромный пустырь за Невской заставой, оказывается, даже не собственник этого участка, а арендатор его.

Пустырь представляет собою торфяное болото, удаленное от Невы и неудобное для склада дров. Перевозка дров будет ложиться крупным накладным расходом на стоимость дров.

На пустырь уже возводятся городские сооружения. Строят эстакаду и механические приспособления для передачи дров „по воздуху“ на расстоянии 200 саж.

Это все выяснилось за одну неделю.

Пусть читатель примет во внимание, что в году 52 недели, а гласные избраны на 3 года...

Шпехень зи Дейч.

Из „Петрогр. Газеты“:

На углу Невского пр. и Садовой ул. имется склад молочных продуктов Дейча.

Дейч этот славится тем, что аккуратнейшим образом повышает цены на все продукты.

В то время, как цена на масло в остальных магазинах колеблется между 2 р. 70 к., и 2 р. 80 к. за фунт, г. Дейч берет за масло по 3 рубля за фунт.

В старой оперетке поется:

Он подрастет,

Он подрастет

На то испанец он.

То же можно сказать и о цене Дейчевского масла. Только пахнет тут не испанцем, а „Дейчем“...

Осторожная начинка.

Раньше в „Ниве“ часто можно было встретить буколические картинки:

„Сбор вишен в Нормандии“.

„Ловля креветок в Бретани“.

„Сбор фруктов на о. Сардиния“.

Теперь настало время совсем иного сбора фруктов:

В Екатеринодаре, в полдень, когда все кафе были переполнены, явилась полиция, заняла все выходы и приступила к переписи всех присутствовавших. Спекулянты начали рвать и уничтожать компрометирующие их бумаги. Были найдены такие телеграммы: „Ждите повышения“, „Не продавайте“, „Держите“.

Когда ловят воров и мошенников, тоже кричат:

— Держите!

Дорогая позолота.

Это сказка?

Нѣтъ, была.

И не простая была, а

„Курская“.

На днях „Курская Быль“ праздновала свой десятилетний юбилей. За десять лет газета получила 120.000 р. казенной субсидии и 12.000 рублей от губернского земства. („Р. Сл.“).

Пародируя известную поговорку, можно сказать:

„Казна не выдаст, рептилия не съест“.

А раз казна выдает — почему же рептилии не съест?...

ГОРОДСКИЕ ШУМЫ.

1. Медведь.

Мне странно видеть вас в уборной,
Вас, грустный принц, вас, нежный скальд.
Виолончели томный альт

Рис. Н. Р.

Поет в оркестре вальс минорный,
А вы молчите осторожно —
Вам незнаком кулисный тонь.
Все невозможное — возможно
Здесь, где вся жизнь — обманной
сонь.

Но вы не врите кулисамъ,
Вы — милый северный медведь.
Когда приходите къ актрисамъ,
Надо смѣть!

2. Муха.

У меня в комнате появилась муха,
И на душе стало сразу светлее и
тише.
И думаю, что сегодня — день Святого
Духа,
Что вездь — березки с клейкими листочками,
Пахнут улицы теплым дождем, землей,
почками...
Жужжить, сладкой музыкой лаская
ухо,
Милая, случайная, зимняя муха.

Лидия Лѣсная.

НЕРВЫ.

— Затвердиль: ужас, ужас...
Никакого ужаса нѣтъ. Я тоже самъ
покупаю булки...

— Ну, и что же, приятно стоять
въ очереди?

— Не приятно, не неприятно. Просто
я не замѣчаю, что стою въ очереди.
Стану и сейчас же ныркъ въ газету.
А потомъ это только кажется, что долго
стоишь, а на самомъ дѣлѣ самая
длинная очередь тянется минутъ
15—20. Смотришь, газета и прочитана...

— Ну, а если нужно быстро?

ТРЕЗВЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВЕЩИ.

— Недаромъ папа говоритъ, что энциклопедическій словарь — самая полезная книга!..

— Двадцать минут не так долго. Но изволь: позавчера была очень длинная очередь, а я получил булки в три минуты.

— Каким образом?

— Съел за столик и потребовал кофе и три семикопеечные булки к нему. Кофе выпил с пирожными, а булки унес с собой.

— Сколько же тебе стоили эти булки?

— Трижды семь всегда двадцать один.

— А кофе с пирожными?

— Так это же вкусно. Ха-ха-ха!

— Тебе все смешно. Ну, а вызывая телефонную станцию, ты тоже смеешься? Я вчера нарочно проследили по часам: барышня отозвалась ровно через шесть минут, тринадцать секунд. Я, разумеется, разнес барышню. Она обиделась, общала пожаловаться и сказала, что меня лишат права пользоваться телефоном.

— И слѣдует. Развѣ можно оскорблять дѣвушку? Труженицу. Вѣдь онѣ, бѣдныя, переутомлены всѣ... А ты вмѣсто того, чтобы считать секунды, дѣломъ занялся бы.

— Какимъ дѣломъ? Мнѣ надо по телефону говорить...

— Можно одновременно. Я никогда не нажимаю кнопки, прежде чѣмъ не разверну газету. Вчера я, держа телефонную трубку у уха, написал письмо. Ты знаешь, какъ трудно писать письма. Все откладываетъ... А тутъ самое время написать письмо. Кладется пресс-папье на бумагу, чтобы она не двигалась, и письмо уже пишется. Я вчера такъ увлекся, что бѣдная барышня охрипла. Кричить: «Станція, станція», а я не слышу. Но это все пустяки, а вотъ мой знакомый, студентъ-юристъ, подготовился къ экзамену по уголовному праву въ теченіе того времени, когда онъ вызывалъ станцію. Сегодня главу прочтетъ, завтра главу — такъ и подготовился.

— Ну, а если надо скоро? Представь себѣ, что со мной обморокъ и надо вызвать врача.

— Изъ-за такого пустяка не стоитъ беспокоить врача, особенно теперь, когда врачи перегружены работой. Купи брошюру «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ», прочти ее горничной и тогда падай въ обморокъ. Горничная, если она не форменная дура, быстро приведетъ тебя въ чувство.

— Ну, а... а... а если она форменная дура? Что тогда?.. Что-о-о тогда? Спрашиваю я тебя.

— Чего ты кричишь? Съ ума сошелъ!..

— Я много разъ уже говорилъ вамъ, милостивый государь, что мнѣ надоѣли ваши дурацкія шутки...

— Какія?

— Дурацкія!..

— Извиняюсь, окна у насъ уже замазаны; и вамъ, къ сожалѣнію, придется уйти черезъ дверь... Лѣчите нервы, сударь, нервы!!!

В. Черній.

Рис. Н. Р.

СВОЙ ВЗГЛЯДЪ.

Леяновъ: — Какіе бѣлые волосы у лондонскаго лордъ-мэра... Вотъ, навѣрное, ругали его, если посѣдѣлъ такъ...

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Осьминогу. — Отмѣчаемое вами времяпрепровожденіе окружающихъ не совсѣмъ типично:

Тотъ и этотъ, эта, та
Пляшутъ танецъ живота.

Этимъ же размѣромъ было писано другое не менѣе важное сочиненіе:

Тра-та-та-та-та-та —
Вышла кошка за кота.

Но, вопросъ: стоитъ ли излагать все это плохими стихами? Въ другомъ мѣстѣ вы описываете драгоценный камень:

— Хризобромъ.

Что это за штука?

„И чина такого нѣтъ“, какъ говорилъ покойный Хлестаковъ.

И. Метан—у. — У этого автора мужики разговариваютъ на такомъ русскомъ языкѣ:

— За что ты мя (?) обижаешь, — утирая слезу шепталъ Устя*.

1) Устя, насколько намъ извѣстно, женское имя.

2) Мя — мѣстоименіе церковно-славянское.

Охъ, господа... Тяжело съ вами, полуграмотными церковно-славянами.

Рудольфу. — Рудольфъ утверждаетъ, что его герой „размахивалъ своими длиннорукими костлявыми руками“.

Жаль, что наша рука не такъ длиннорука, чтобы дотянуться до вашей головы. Мы бы погладили ее по головкѣ за такой изящный стиль.

Б. Провинція.

Козловъ. — Цыпочкѣ. — Стыдно, Цыпочка. Что за развязность? Держите себя какъ слѣдуетъ...

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

КЪ ПРОЕКТУ УСТРОЙСТВА ВЪ ДЕРЕВНЯХЪ КАЗЕННЫХЪ КИНЕМАТОГРАФОВЪ.

Рис. Б. Антоновскаго.

Урядникъ: — Иди въ кинематографъ!
Мужичекъ: — За что же, ваше благородіе!.. Дозвольте лучше отсидѣть денька три.

— И ты пришла сюда, Агашка?..
— Да, говорятъ, тутъ ленты новыя какія-то получены. Хорошо бы одну въ косу получить.

— Господинъ урядникъ! Почему темнота тутъ? Нельзя ли свѣту!
— Кто же кинематографъ при свѣтѣ показываетъ? Да вамъ для чего?
— А намъ въ темнотѣ въ „свои козыри“ играть не дюже способно.

— Ты чего жъ это къ началу сеанса опоздалъ, а?
— Такъ что по дорогѣ волки лошадь мою задрали. Опять же тельга въ грязи погрузла, одинъ оглобли торчатъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ день открытія ростовскаго драматическаго театра — одного изъ лучшихъ провинціальныхъ театровъ, газета „Ростовская Рѣчь“ не нашла ничего болѣе умнаго, какъ помѣстить слѣдующія прочувствованныя строки о... циркѣ.

Иди, куда хочеться. Люблю циркъ и не считаю нужнымъ оправдываться. Я вовсе не хочу обижать актеровъ, но мои симпатіи принадлежатъ не имъ, а клоунамъ, акробатамъ, эквилибристамъ.

Да, всегдѣ этимъ незатѣйливымъ, добрымъ малымъ, веселымъ, простымъ. Мнѣ съ ними хорошо, весело, бодро.

На аренѣ акробаты-виртуозы, на аренѣ самъ Смѣхъ. Онъ перекидывается въ первые ряды, прыгаетъ выше, перекатывается на галлерею и грохочетъ подъ куполомъ цирка.

Въ циркѣ все люди становятся лучше; какое-то дѣтское просвѣтленіе, ребячливость.

Поглядите, какой пируетъ. Сидитъ на рукѣ товарища, точно въ креслѣ.

— Трущичи молодець... У него не проскучаешь... Глядите, какіе попуаи... Они, говорятъ, живутъ по сту лѣтъ...

Да; разные бывают попугаи.
Интересно, если бы заставить писать рецензии цирковых лошадей: были бы они на такой же высоте понимания подлинного искусства или выше?

„Извѣстія по литерат.“ приводятъ шедевры переводовъ съ русскаго:

У Гоголя:
Городничій говоритъ о Держимордѣ: — Онъ вѣсѣмъ ставитъ фонари подъ глазами — и правому, и виноватому.

У Гоголя:
Старуха-офицерша забредетъ...

У Гоголя:
Оттого, что ты 16 самоваровъ выдучеши въ день.

У Достоевскаго:
Раскольниковъ гулялъ въ циммермановской шляпѣ

У Л. Толстого:
Эпиграфъ къ „Аннѣ Карениной“ — Мнѣ отъ мщенія — и Азъ воздамъ.

У Лермонтова:
А что, дѣти мои любезныя, чай забѣгались, заморились?

Это уже относится къ разряду такого перевода слова „адъютантъ“.
— Прощай, тетка.

Въ нѣмецк. переводѣ Ланге:
Пусть онъ (Держиморда) вѣсѣмъ приличнымъ и неприличнымъ подноситъ свой фонарь подъ носъ.

Въ нѣмецк. переводѣ Ланге:
Старуха - офицерша начинаетъ бредить...

Въ нѣмецк. переводѣ Ланге:
Оттого, что ты ежедневно 16 котловъ чинишь.

Въ нѣмецк. переводѣ Мозера:
Раскольниковъ гулялъ въ шляпѣ, какія носятъ плотники.

Въ переводѣ Мозера:
Местъ сладкая — иду съ туза.

Въ переводѣ Боденштедта:
А что, дѣти мои любезныя, уже чай выпили?

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь,
г. Редакторъ.

На основаніи п. 11, Прил. къ ст. 114 Устава о ценз. и печ. (по продол. 1916 г.) прошу Васъ помѣстить въ ближайшемъ № редактируемаго Вами журнала слѣдующее:

Въ № 37 журнала „Новый Сатириконъ“ помѣщена замѣтка „знаменитые современники“, въ которой Редакція журнала проситъ доставить портреты челябинскаго исправника, не разрѣшившаго къ постановкѣ „Ревизоръ“.

За истекшій театралный сезонъ въ гор. Челябинскѣ за разрѣшеніемъ постановки комедіи „Ревизоръ“ никто ко мнѣ не обращался, пьеса эта къ постановкѣ на сценѣ здѣсь въ минувшемъ сезонѣ не предназначалась, да и я ужъ не такой невѣжда, чтобы не могъ разбираться въ разрѣшеніи къ постановкѣ классическихъ произведеній.

За напечатаніе въ журналѣ означенной инсинуаціи я привлекаю автора замѣтки и редакцію къ отвѣтственности по 1039 и 2 ч. 1535 ст. Улож. о наказ.

Челябинскій уѣздный исправникъ Желтовскій.

Прошу № журнала съ опроверженіемъ прислать мнѣ.

Отъ редакціи.

Слушаемъ, ваше превосходительство. Номеръ вышлемъ по вашему приказанію очень быстро. Развѣ мы осмѣлимся ослушаться?

Не нужно ли еще чего: корюшки маринованой или тамъ модныхъ романсовъ?

Вы не стѣсняйтесь. Заказывайте.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Воспитывайте своихъ дѣтей въ Англии!
Имѣя исключительный опытъ по вѣсѣмъ вопросамъ, касающимся англійскаго воспитанія (выбора школъ, воспитателей, и т. д.), мы, по первому требованію, бесплатно высылаемъ подробные проспекты и всѣ необходимыя свѣдѣнія.
Запросы по возможности детальныя, съ указаніемъ возраста, приблизительной стоимости и желательной мѣстности.
Корреспонденція на русскомъ, франц. и англійскомъ языкахъ.
J. & J. PATON, Educational Experts,
143, Cannon. St. London, E. C.

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Новаго Сатирикона“ вѣзываетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и проситъ прилагать старый адресъ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
НОВАЯ КНИГА
АРК. АВЕРЧЕНКО.
„ПОДХОДЦЕВЪ И ДВОЕ ДРУГИХЪ“.

12-й годъ изданія.
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ
художественный, въ краскахъ,
журналъ новѣйшей литературы,
изящныхъ искусствъ и современной жизни
СЪ ГРОМАДНОЙ ГАЛЛЕРЕЕЙ НОВЫХЪ
РОСКОШНЫХЪ ВИЛЕЙНЫХЪ КАРТИНЪ

ПРОБУЖДЕНІЕ

Участвуютъ популярнѣйшіе русскіе писатели. Лучшая бѣлая, альбомная и мѣловая бумага. Печать дорогими иллюстраціонными красками. Художественныя работы Р. Голике и А. Вильборга, поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества, удостоенныя высшихъ мировыхъ наградъ.

ДЕВИЗЪ ЖУРНАЛА: „ДАТЬ ВСЕ ТОЛЬКО ПРЕКРАСНОЕ“.

Преобразованные съ 1917 года въ высоко-художественное изданіе, выпуски журнала по изяществу замѣняютъ цѣнные художественные альбомы и могутъ быть настольнымъ украшеніемъ изысканной гостиной. Журналъ будетъ иллюстрированъ художественно-декоративными орнаментами, конгревскимъ тисненіемъ, печатью золотомъ, многокрасочными рамками-виньетками къ стихотвореніямъ и нотамъ и многими чарующими гармоніей красокъ способами иллюстраціонной печати. Подписавшіеся на 1917 г. получаютъ 12 выпусковъ художественно-литературнаго журнала въ исполненныхъ, въ 1-й разъ, множествомъ красокъ рельефныхъ обложкахъ-папкахъ, въ увеличенномъ (въ сравненіи съ прежними годами), двойномъ объемѣ по количеству листовъ текста и приложеній картинъ знамен. художниковъ.

50 НОВЫХЪ ВЫДАЮЩИХСЯ ВЪ ЕВРОПѢ КАРТИНЪ:

Картины въ краскахъ. Художественн. пано. Гравюры. Автоипіи. Барельефы-портреты.	Картина на паспарту и на атласѣ. Картины „меццотинто“. Олеографіи.	Горельефы подъ мраморъ Японск. золот. этюды. Иллюстраціи „Ирисъ“. Портреты на холстѣ.
---	--	---

Годовымъ подписчикамъ будетъ выдана грандіозная премія: ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ, НЕПОДРАЖАЕМАЯ ПО КРАСОТѢ СТѢННАЯ КАРТИНА-НОКТЮРНЪ

СЛАВА ВЪ ВЫШНИХЪ БОГУ!..
(Миръ и землѣ)
Извѣсти. русск. худож. А. Эберлинга. Большая картина 61×92 смт. Стоимость картины въ отдельной продажѣ 45 рублей.

АБОНЕМЕНТЪ: на годъ 2 р., на полгода 1 р. На меньшіе сроки подписка не принимается.
Редакція журнала „Пробужденіе“:
Петроградъ, Суворовскій пр. 41, соб. д.
Ред.-изд. Н. В. Корецкій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
12 руб.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ? **ВЪ РЕСТОРАНѢ И. С. СОКОЛОВА.** Комфортабельные кабинеты.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22. Ресторанъ открытъ до 11 чзв.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА
„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.
ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.
ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 80 коп.
Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

4-й годъ изданія. 4-й годъ изданія.

1-я премія

ВСЕЛЕННАЯ и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

при участіи и подь редакціей
маститыхъ сатириконцевъ.

Солидное, фундаментальное изданіе.

2-я премія

- 1 ориг. картина РЕ-МИ (въ краскахъ).
- 1 оригинальная картина А. РАДАКОВА (въ краскахъ).

Сюжеты этихъ картинъ настолько захватывающіи, что мы боимся ихъ сейчасъ опубликовать: сейчасъ же другіе захватятъ...

- 2 рисунка МИССЪ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ.)

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Не ѣшь, не пьешь, ночей не спишь... Все сидишь и думаешь какъ бы сдѣлать такъ, чтобы подписчикамъ было лучше. И вотъ — придумали.

Подписчику, конечно, весьма любопытенъ весь ходъ нашихъ мыслей и мнѣній по этому поводу.

На торжественномъ засѣданіи кто-то предложилъ:

— Давайте, дадимъ въ премію полное и подробное описаніе брюнетовъ, какъ таковыхъ.

— Идея. Только почему же описывать однихъ брюнетовъ; давайте опишемъ и брюнетокъ.

— А, по моему, эту идею надлежитъ развить шире: опишемъ всѣхъ русскихъ брюнетовъ, блондиновъ и шатеновъ.

— Можно еще больше расширяться, при чемъ тутъ цвѣтъ волосъ: дадимъ, вообще, описаніе русскаго человѣка.

— Эхъ-ма! — въ самозабвеніи крикнулъ секретарь. — Да чего тамъ: опишемъ всѣхъ европейцевъ.

— Европейцевъ? — прищурился поэтъ. — Берите шире: надо дать изслѣдованіе обо всемъ современномъ человѣчествѣ. И всталъ тогда маститый редакторъ.

— Вотъ что, господа, — началъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. — Я знаю, что работа наша будетъ гигантская, сверхчеловѣческая! Но... останавливались ли мы когда-нибудь передъ этимъ? Нѣтъ. Итакъ, я предлагаю еще больше раздвинуть рамки нашей преміи... Дадимъ... „ВСЕЛЕННУЮ и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“!!

Это былъ незабываемый моментъ. Многие плакали...

Вотъ, благодаря этому удивительному по красотѣ жесту, **всѣ годовые подписчики и получаютъ:**

52 НОМЕРА обильно иллюстрированнаго рисунками и карикатурами журнала.

1 БОЛЬШОЙ ТОМЪ „Вселенная и Человѣчество“.

4 КАРТИНЫ, изъ нихъ двѣ исполненныя по способу трехцвѣтной печати,

а именно:

2 КАРТИНЫ Ре-ми и А. Радакова.

2 КАРТИНЫ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ) Миссъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1 годъ безъ доставки **10** рублей; съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 11 руб.; на 1/2 года — 5 руб. 50 к.; на 1 мѣс. — 95 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ **5** руб., 1-го мая **3** руб., 1-го сентября **3** руб.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ 59-07.

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

ЛУЧШЕ НЕ НАЗЫВАТЬ.

Надо́бло
 Не высидѣль дома.
 Аненскій. Тютчевъ. Фетъ.
 Опять
 тоскою къ людямъ ведомый
 иду
 въ кинематографы, въ трактиры, въ кафѣ,
 За столикомъ.
 Сіяніе;
 Надежда сіяетъ сердцу глупому!
 А если за недѣлю
 такъ измѣнился россіянинъ,
 что щеки сожгу огнями губъ ему.
 Осторожно подымаю глаза;
 роюсь въ пиджачной кучѣ.
 «Назадъ,
 наз-задъ,
 н-а-з-а-дъ!»
 Страхъ оретъ изъ сердца,
 мечется по лицу безнадеженъ и скученъ.
 Не слушаюсь.
 Вижу,
 вправо немножко,
 невѣдомое ни на сушѣ ни въ пучинахъ водъ,
 старательно работаетъ надъ телячей ножкой
 загадочнѣйшее существо.
 Глядишь: и не знаешь: ѣсть или не ѣсть онъ.
 Глядишь и не знаешь: дышитъ или не дышитъ онъ
 Два аршина безлицаго розоватаго мѣста:
 хоть бы мѣтка была въ уголокѣ вышита!
 Только колышутся спадающія на плечи
 мягкія складки лоснящихся щекъ.
 Сердце въ изступленіи,
 Рветъ и мечетъ
 «Назадъ же!

Чего еще?»
 Влѣво смотрю.
 Ротъ разинуль.
 Обернулся къ первому, и стало иначе:
 Для увидѣвшаго вторую образину
 первый
 воскресшій Леонардо да Винчи.
 Нѣтъ людей!
 Понимаете
 крикъ тысячедневныхъ мукъ!
 Душа не хочетъ нѣмая идти;
 а сказать кому?
 Брошусь на землю.
 Камня корою
 въ кровь лицо изотру, слезами асфальтъ омывая.
 Истомившимися по ласкѣ губами тысячью поцѣлуевъ
 покрою

умную морду трамвая.
 Въ домъ уйду.
 Прилипну къ обоямъ.
 Гдѣ розы есть нѣжнѣе и чайнѣе?
 Хочешь
 тебѣ
 рябое
 прочту «Простое какъ мычаніе»!

Для исторіи.

Когда всѣ разселятся въ рай и въ аду,
 земля итогами подзедена будетъ —
 помните:

въ 916 году
 изъ Петрограда исчезли красивые люди.

Вл. Маяковскій.